

есть приобщиться к той новой жизни, которая так и оказывается до конца не понятой их отцом.

Основное религиозно-нравственное просветление героев (своеобразный катарсис) происходит в соборе во время архиерейской службы, символизирующей для Павла и Ивана переход в мир совершенно иных, духовных ценностей жизни: «они, пожалуй, два дня простояли, если бы два дня шла архиерейская служба». Что касается Пилы и Сысойки, то, и оказавшись в соборе, они не могут выйти из рамок привычных бытовых жизненных определений: «Баско! Ай, баско!», совершить подлинное духовное восхождение к верхнему космосу бытия. Поэтому вполне закономерной и логичной выглядит, на первый взгляд, случайная гибель героев на обратном пути вверх по Чусовой, но фактически по дороге к нижнему космосу, оставленному героями в начале повествования. Движение по реке жизни, ставшей уже рекой смерти, происходит на фоне почти осеннего дождя, знаменующего собой одновременно завершение природного цикла и жизненного цикла бытия героев.

Что касается эпилога повести «Подлиповцы», то он выдержан Решетниковым в традициях демократической литературы 60-х годов XIX века. Отстав от бурлаков, дети Пилы приобщаются к новой сознательной рабочей жизни, они «очень развились и даже умеют читать». В финале повести мы видим их рассуждающими на такие злободневные темы, как «пошто же не все богаты». С точки зрения идеалов демократической литературы, это, безусловно, высшее проявление социально-нравственной эволюции героев.

Однако с учетом той мифологической модели бытия, реконструировать которую мы попытались выше, становится очевидно, что социально-демократические идеи Решетникова прочно основываются на архаических мифологических архетипах.

Примечания

1. Соловьев Е. Очерки по истории русской литературы XIX в. 3-е изд. СПб., 1907. С.305.
2. Проскурина Ю. М. Ф. М. Решетников // Литература Урала. Екатеринбург, 1988.

© Ю. М. Проскурина
Екатеринбург

ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ И ЭВОЛЮЦИИ РУССКОГО РЕАЛИЗМА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В современном литературоведении наблюдается пристальный интерес к вопросам методологии, приобретающим часто либо феноменологическую, либо лингвистическую ориентацию.

Подобное направление научного поиска естественно, поскольку в изменившихся исторических условиях возникает потребность пересмот-

реть жесткие догматические установки недавних лет, сблизить позиции отечественной и зарубежной литературоведческой мысли, осмыслить новые явления в художественной практике.

Однако нередко в соответствии с пресловутым «законом маятника» в процессе споров начинает превалировать негативное отношение ко всем прежним аспектам и способам изучения словесности. Об этой прискорбной тенденции можно судить по таким избыточным в печати эмоционально-оценочным определениям, как: «унылый традиционализм», «надоевшее» единство содержания и формы, «немодный детерминизм», «устаревшая теория отражения».¹

Особую неприязнь вызывает у некоторых исследователей «теория отражения». Они хотели бы, подобно Яуссу, заменить «изобразительную эстетику эстетикой восприятия и воздействия», то есть разорвать связь между ними. Не устраивают этих ученых и принципы историзма и детерминизма; справедливо осуждая гипертрофию идеологических кодов как регуляторов бытия культуры и ее неотъемлемой части – литературы, они отрицают всякое соотношение между гражданской историей и историей словесного искусства. Протестуя против «империализма рассудка», они с позиций релятивизма и скептицизма отвергают закономерности литературного развития, предпочитают познание не мира, а только особым образом организованного языка.

Поскольку теория отражения, детерминизм, историзм – краеугольные основы реалистической эстетики, постольку их отрицание ведет к «забвению» интереса к реализму, к желанию «закрыть» эту тему. «Нынче значимость реализма в составе литературы XIX-XX вв. нередко нивелируется, а то и отрицается вовсе, – пишет В.Е. Хализев. – Изгонять из литературоведения слово «реализм», снижая и дискредитируя его смысл, нет никаких оснований».²

В отличие от «западного», советское литературоведение уделяло, возможно, чрезмерное внимание категории метода, особенно реалистического, акцентируя сначала социально-исторические импульсы его появления и эволюции, а затем, начиная с 60-х годов, актуальное значение типологического подхода к его рассмотрению. И тогда, как и сейчас, были противники литературной типологии, но тогда чаще спорили о критериях, «точках отсчета» выявления типологических аналогий (схождений), их дифференциации. Одни (их большинство) предлагали учитывать мировоззренческую общность писателей, другие – соотношение социального и психологического анализа, третьи – родственность конфликтов. При этом типологию воспринимали как выявление независимой от контактов сути, общности литературных явлений, их разновидностей на разных уровнях, срезах исследования, в том числе национальном и историческом. В своеобразном компендиуме С.М. Петрова читаем: «Типологические обобщения в области реализма начинаются с самого определения реализма в отличие его как направления и метода от других сопоставимых

явлений литературного процесса. Типологические обобщения могут быть приведены и в изучении школ и течений внутри реализма».³ А М.Б. Храпченко добавляет: «Возникает необходимость учитывать при типологическом изучении литературных направлений этапы их развития».⁴ Следовательно, типология и эволюция сопутствуют друг другу. В свое время об этом писал и В.И. Кулешов: «Всякое явление раскрывает свою сущность в истории своего развития. Историко-генетическое и типологическое изучение – уровни единого процесса познания».⁵ Но почему-то в своем учебнике 1997 года он предпочитает говорить о типологии в отрыве от хронологического описания «критического, социально-обличительного реализма» XIX века.

В отличие от ряда участников дискуссии на страницах «Вопросов литературы» мы видим в литературном направлении не «периферийное явление», не «героя второго порядка», а центральную магистраль в эволюции художественной словесности, пусть даже приблизительную, по выражению В.Е. Хализева, но все же «отмычку к постижению закономерностей литературного процесса», начиная с XVIII столетия. С нашей точки зрения, именно через литературные направления осуществляется диалог художественных парадигм, движение словесного искусства во времени. «Точка отсчета», позволяющая видеть сходство и отличие отдельных периодов в эволюции реалистического направления, лежит, по нашему мнению, в эстетической плоскости: в изменении доминирующих акцентов в основной «формуле» метода (в соотношении характеров и обстоятельств, то есть в сюжетной организации текста).

Изменение акцента в основной «формуле» реализма влияет на трансформацию традиционных образов, на появление новых тем, стилевых тенденций, жанровых и речевых ориентиров.

Исходя из названного принципа типологии можно выделить в русской литературе несколько исторических типов реализма: правоописательный (Нарежный, Крылов), классический (от Пушкина до Чехова), социалистический (от Горького, автора «Матери» и «Врагов»), критический, представленный в наши дни писателями разных идеологических установок (А. Солженицын, В. Белов).

Внутри каждой исторической разновидности реализма рассматриваются этапы ее развития и стилевые течения. Так, классический реализм проходит несколько стадий движения, не всегда совпадающих с границами десятилетий. В нем обычно различаются два основных стилевых течения и множество индивидуальных стилевых манер. Одни говорят о пушкинском и гоголевском течении, другие – о социологическом и философско-психологическом. Вряд ли стоит выделять в типологический ряд особенности творчества одного писателя: например, в учебнике В.И. Кулешова наряду с групповой характеристикой реалистов, в частности философско-религиозного психологического течения, встречаются определения реализма, иллюстрируемые одним именем («осердеченная

гуманистическая мысль» – Герцен). В случае с Герценом, с одной стороны, «осердеченная мысль» – это его индивидуальная особенность, с другой стороны, «гуманистическая мысль» присуща вообще подлинному искусству, в том числе и реалистическому.

Выявлению типологических черт литературы определенного периода способствует мнение современной ей критике. Недаром Белинский писал: «Каждая эпоха русской литературы имеет свое сознание о самой себе, выразившееся в критике». ⁶ Недаром С. Дудышкин, К. Аксаков указывали на отражение «родовых черт времени», «переходов самой литературы нашей» в творчестве отдельных писателей. Таким образом, давно известный историко-типологический подход к изучению литературы не менее актуален в наши дни, чем анализ «текстильности», «интертекстуальности», «дискурса» отдельно взятого произведения.

Примечания

1. Примеры взяты со страниц «Вопросов литературы», посвященных дискуссии об истории словесности и путях ее интерпретации.
2. Хализев В.Е. Теория литературы. М., 1999. С.362
3. Петров С.М. Критический реализм. М., 1974. С. 329.
4. Храпченко М.Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. М., 1970. С. 273.
5. Кулешов В.И. О методологическом единстве генетического и типологического изучения литературы // Методология литературных исследований. Прага, 1982. С.14.
6. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М. 1955. Т. 9. С. 148.

© К.В. Ратников
Челябинск

ОДИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА: КОРОНАЦИОННЫЕ ОДЫ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКОГО, С. П. ШЕВЫРЕВА, А. С. ХОМЯКОВА И Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Ведущий жанр системы русского классицизма, торжественная ода в 1820-е годы утратила былое первенство, но продолжала сохранять место в поэтическом арсенале многих активных участников литературного процесса 1830-х – 1850-х годов. Последним мощным подъемом «одеписи» ознаменовался 1856 год, когда, откликаясь на коронацию в Москве нового императора Александра II, с которым в русском обществе связывались надежды на долгожданные перемены, целый ряд авторов обратился к жанровому потенциалу одной из основных одических форм – коронационной оды. Под пером князя П.А. Вяземского, С.П. Шевырева, А.С. Хомякова и ссыльного Ф.М. Достоевского русская одическая традиция получила достойное завершение, обогатив классический канон яркими поэтическими новациями.